

- торговое население генуэзской Каффы // ИАСК. М. 1958.
29. Секрипский С. А., Волобуев О. В., Когоношвили К. К. Крепость в Судак. Симферополь: Таврия, 1983.
 30. Еманов А. Г. К вопросу о ранней итальянской колонизации Крыма // Византия и ее провинции. Свердловск, 1982.
 31. Карпов С. П. Трапезундская империя и Запад. М.: МГУ, 1981.
 32. Карпов С. П. Венецианская работорговля в Трапезунде (конец XIV — начало XV в.) // Византийские очерки. М.: Наука, 1982.
 33. Карпов С. П. Итальянская торговля в Трапезунде и ее воздействие на экономику поздневизантийского города // ВВ. 1983. Вып. 44.
 34. Карпов С. П. Налогообложение итальянской торговли и объем товарооборота в городах Южного и Юго-Восточного Причерноморья (XIV — середина XV в.) // ВВ. 1986. Вып. 47.
 35. Карпов С. П. Контракт комменды в итальянской торговле в Южном Причерноморье (XIII—XV вв.) // ВВ.— 1987.— Вып. 48.— С. 23—32.
 36. Карпов С. П., Ballard M. La Romanie Génoise (XII-e debut du XV-e siecle), I—II, Roma; Genova, 1978 / Рецензия // ВВ. 1981. Вып. 42.
 37. Айбабича Е. А. Оборонительные сооружения Каффы // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев: Наук. думка, 1988.
 38. Карпов С. П. Источники и исследования по истории Генуи и Генуэзской Романьи: Collana Storica di Fonti e Studi Diretta da Geo Pistorino (Istituto di Medievistica dell' Università di Genova). Genova, 1969—1983. Vol. 1—39 / Рецензия // ВВ. 1986. Вып. 46.

В. Л. ВИХРОВИЧ, В. В. ЛЕБЕДЕВ

ЗАГАДКА 15 000 ДРЕВНИХ РУКОПИСЕЙ

(К спорам вокруг самой большой в мире коллекции восточных рукописей, хранящихся в Ленинградской публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, и личности ее собирателя — караимского ученого А. С. Фирковича)

В конце XVIII в. Россия прочно вышла на берега Черного моря, как в начале того же столетия на берега Балтийского.

Причерноморские степи и Крым окончательно вошли в состав Российского государства в 1783 г. Среди новых подданных Российской империи оказался маленький народ — караимы — всего около четырех тысяч человек (1, с. 75—93).

Собственно в Крым проживало в 1783 г. 2,6 тысячи караимов. Остальным судьба забросила в Литву и на Западную Украину. В XIV в. великий литовский князь Витаутас «вывел» из Крыма и поселил их предков в своей столице Тракае, Луцке, Галиче и других городах княжества.

С глубоким уважением относились к маленькому народу, упорно сохранявшему свой образ жизни, язык и религию, соседи. В грамоте польского короля Яна Собесского от 15 сентября 1692 г. караимы названы как «...лица способные, торговые, старательные, занимающиеся торговлей лошадьми и необходимые для пользы... местностей» (2, с. 117—124). Еще и сейчас в древнем литовском городе Тракае путешественники могут видеть караимскую улицу, где, по преданию, живут потомки дружинников — стражей знаменитого Тракайского замка.

К сожалению, не сохранилось бесспорных исторических документов о происхождении основной части караимов на их исторической родине — в Крыму.

Но в этом случае остается еще один важный исторический источник — язык. «Именно он, — отмечает О. Сулейменов, — сохраняет Летопись мира, не отразившуюся в письменности» (3, с. 183).

По мнению Н. А. Баскакова, «данные караимского языка указывают, что караимы последовательно входили в состав таких племенных союзов, как гуннский, болгаро-хазарский, узо-печенежский и только позже — кыпчакско-половецкий племенной союз с господствующим языком, основные черты которого караимы сохранили и в современных диалектах» (4, с. 6).

Поскольку само слово «караим» не являлось первоначальным этнонимом и обозначало только религиозную секту иудаизма, то мы употребляем термин *тюркские*, или *восточноевропейские*, караимы.

Караимы исповедуют одну из разновидностей иудаизма, а именно ту, которая призывает только Библию, точнее Ветхий Завет. Они решительно отвергают разработанную традиционным иудаизмом сложнейшую и изощреннейшую систему толкования Библии.

лия — Талмуд. Поскольку они проповедают изучение только Библии, то их и прозвали «караимы» — по-древнееврейски «чтецы». Окончательный раскол между караимами и приверженцами почитания Талмуда — раввинистами произошел в VIII в. н. э. в среде иудейских общин на территории современного Ирака (традиционное название — Вавилония) и распространился потом на общины Ближнего Востока, а также Крыма и Кавказа (5, с. 376).

И до сих пор в странах Ближнего Востока и Средиземноморья проживают иудейские сектанты — караимы или, как их иногда называют, «караиты».

В VII в. на территории Юго-Восточной Европы происходят решительные перемены. Возникает Хазарская держава. Об этом могущественном и обширном государстве, включавшем в свои границы Северный Кавказ, прикаспийские и причерноморские степи и часть Крыма, нам известно, к сожалению, не слишком много. Его история неотделима от истории возникновения таких государств, как Киевская Русь, Болгария и Венгрия.

Как отмечает видный советский историк С. А. Плетнева, «Хазария сыграла большую роль в истории восточноевропейских стран — она явилась щитом, заслонившим их от арабов, щитом, выдержавшим атаки непобедимых арабских армий, возглавляемых полководцами, перед именами которых трепетали другие народы» (6, с. 42).

В 730 г. происходит важное событие — хазарский царь (каган) Булан принимает с верхушкой знати иудаизм. Весьма возможно, что причиной этого шага послужили, с одной стороны, смертельная борьба, которую вел каганат с халифатом, а с другой стороны, весьма неприязненные отношения Хазарии с христианской Византийской империей.

В X в. наступает катастрофа. Хазарская держава исчезает с исторической сцены. Приходят новые племена, возникают новые государства. И, возможно, только на крымской окраине уцелели остаточные этнические группы, сохранившие от некогда могучего царства свой древний тюркский язык и религию. К их потомкам, видимо, возможно отнести не только крымских караимов, но и крымчаков. (Последние несколько отличались от караимов по родному языку и быту, исповедовали вместе с тем иудаизм раввинистического толка).

Археология до недавнего времени была не очень щедра к Хазарии. Почти все, что мы знаем о ней достоверного, стало известно из письменных источников — арабских, византийских, еврейских.

Но совсем недавно было сделано интересное открытие. Ученым было известно из сообщений современников, что в IX в. три хазарских племени — «кавары» — ушли с венграми на запад. Источники сообщают также, что кавары сражались в составе венгерского войска под стенами Вены в 881 г. И вот в 1972 г. в Карпатах, на территории современной Югославии, было обнаружено захоронение кочевнического типа с лошадьми — всего 263 погребения. Радиоуглеродный анализ показал время захоронения — конец IX в. У всех погребенных наблюдается значительная степень монголоидности. Самым любопытным было то, что в 70 захоронениях обнаружены кирпичи и их обломки с грубо процарапанными на них символами иудейской религии — семисвечником-менорой и другими ритуальными знаками (7, с. 174—181). Здесь явно были захоронены остатки хазарских кавар.

Долго еще после гибели Хазарии сохранялись воспоминания о некогда могучем и славном государстве. Вплоть до XV в. генуэзцы, обосновавшиеся в Крыму, называли его «Хазария».

Однако в конце XVIII в. все эти историко-филологические данные были еще неизвестны. Вместе с тем, караимы Крыма, Литвы, Украины, ставшие подданными одного государства — Российской империи, остро почувствовали необходимость определить свой гражданский статус в новой исторической обстановке и выяснить свое прошлое. Именно в этих условиях — в период разложения старого феодального и становления нового, капиталистического уклада на огромной территории России и протекала жизнь и деятельность караимского ученого А. С. Фирковича.

Авраам Самуилович Фиркович родился в г. Луцке на Украине 27 сентября 1787 г. В молодости пытался заниматься сельским хозяйством, но неудачно. Уже в зрелом возрасте — 25 лет — он решил посвятить себя науке, к которой чувствовал призвание с детства. Будучи уже отцом большого семейства, Фиркович осваивает велегкую грамматику древнееврейского языка, на котором были написаны священные книги караимов.

Через несколько лет интенсивной учебы Фиркович становится помощником меламеда (учителя), а затем и меламедом караимской общины родного города. В 1818 г. он занимает более высокую должность (караимского кантора и секретаря общины). Через 5 лет он поселяется в городе Козлове (современная Евпатория). С тех пор Крым становится его второй родиной. В 1830 г. он отправляется в свое первое путешествие — паломником в Палестину. Позднее Фиркович вспоминал, что стремился найти старинные караимские книги, поскольку уже тогда его заветным желанием было узнать как можно больше об истории караимского народа. Первые же его попытки увенчались значительным успехом. В подземелье древнейшей караимской кенассы (молитвенного дома) в Иерусалиме Фиркович нашел много интересных произведений караимских авторов. Много интересных рукописей он купил у жителей Иерусалима и Хеврона. Большая коллекция книг и рукописей, привезенная из этого путешествия, положила начало будущему собранию.

Затем А. С. Фиркович весьма плодотворно использовал двухлетнее пребывание в Константинополе в должности газзана и учителя местной караимской общины. Здесь он также приобрел много старинных рукописных книг. После возвращения в Евпаторию А. С. Фиркович основал собственную типографию для издания сочинений караимских авторов и выпустил в свет свое первое сочинение. Его собрание продолжало увеличиваться, но в найденных рукописях и книгах он не обнаружил ничего нового по истории караимов в Тавриде.

В 1834 г. Евпаторию посетил французский государственный деятель — бывший наполеоновский маршал Мармон. Его сопровождал генерал-губернатор и бессарабский наместник граф Михаил Семенович Воронцов. В числе встречавших знатных гостей был и А. С. Фиркович. Маршал Мармон поинтересовался историей караимов, но, как писал Фиркович, «...так же, как и все, посрамлен был и я, ибо ничего не знал я, благодаря тому, что все мои попытки, в этом направлении до этого момента были безуспешны» (8, с. 7). Однако многие старики слышали, что караимы издавна живут в Крыму и что тут же издревле жили хазары. Когда-то в каждом селении были свои летописцы, но набеги кочевых племен заставляли караимов прятаться в горах, пещерах, лесах. Летописи

были утеряны. Но в местах древних поселений сохранилось много кладбищ со старыми надгробными камнями с надписями на древнееврейском языке. Они и могли бы что-либо поведать историку. Это воодушевило А. С. Фирковича на новые поиски, в которых большое содействие оказал ему граф М. С. Воронцов.

Об этом выдающемся русском государственном деятеле следует сказать особо. Сын известного дипломата, Воронцов получил блестящее образование в Англии. В возрасте 21 года поступил на военную службу, участвовал в войнах с Турцией и Францией. Отличился в Бородинском сражении, где был тяжело ранен. Закончил войну в Париже. Человек либеральных взглядов, Воронцов был близок к преддекабристским кругам, в частности, дружил с декабристом Н. И. Тургеневым (9, с. 333). В 1823 г. он назначается новороссийским генерал-губернатором и бессарабским наместником. На этом посту Воронцов показал себя, по выражению писателя прошлого века Е. Маркова, «человеком просвещенной мысли и полезного дела» (10, с. 384). М. С. Воронцов немало способствовал процветанию города Одессы, развитию виноградарства и тонкорунного овцеводства в Крыму, созданию пароходства на Черном море, строительству шоссе на Южный берег Крыма. При этом он проявлял интерес к культурному наследию народов, населяющих край, в том числе и караимов. Этот интерес разделяло и его окружение. Интересно отметить, что знаменитый «Талисман» — перстень, подаренный женой графа Елизаветой Ксавьерьевной Воронцовой А. С. Пушкину, — предположительно крымско-караимского происхождения (11, с. 77).

В 1839 г. Воронцов как председатель Одесского Общества истории и древностей способствовал организации экспедиции по изысканию древних документов, рукописей, надгробных надписей и памятников старины по истории караимов. Возглавить экспедицию было предложено А. С. Фирковичу. В рекомендательном письме — «открытом листе», подписанном М. С. Воронцовым, местным властям было предписано оказывать А. С. Фирковичу всевозможную помощь. В результате этой экспедиции по Крыму был найден 51 древний рукописный фрагмент Библии и 58 надгробных надписей. Из надгробных надписей древнейшая, по определению А. С. Фирковича, относилась к 640 г.

н. э. самая поздняя — к 1679 г. В эту же поездку была найдена в ксепассе города Чуфут-Кале знаменитая Библия, написанная в 916 г. н. э. До открытия кумранских рукописей это была одна из самых древних рукописей на древнееврейском языке. Сейчас эта рукопись составляет одну из жемчужин Ленинградской публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Среди открытых надгробий была надпись с именем миссионера Исаака Сангари, обратившего, по преданию, хазарского царя в иудаизм в VIII в. н. э.

В 1840—1841 гг. А. С. Фиркович путешествует по Северному Кавказу. Там, в селении Манджлис, близ Дербента, ему удается приобрести рукопись на пергаменте, позднее названную «Манджлисским документом». Впоследствии этот документ вызвал большой интерес среди ученых России и Европы. К его содержанию мы вернемся позднее. Последующие годы А. С. Фиркович продолжал путешествовать по Крыму и Кавказу, собирая рукописи и предметы материальной культуры. Следует напомнить современному читателю, что 100—150 лет назад Крым и Кавказ были местами ссылки, а не приятного отдыха и развлечений. В Крыму можно было встретить верблюдов, буйволов, табуны полудиких лошадей, большие отары овец. Хороших дорог практически не было. До прокладки шоссе на Южный берег Крыма путешествие туда напоминало альпинистский поход. О Кавказе и говорит нечего: там шла война. А. С. Фиркович в своих одиноких путешествиях испытал много опасностей. Бывало, что только резвость лошадей спасала его от грабежа или даже самой смерти. Постоянно вспыхивали эпидемии опасных болезней. Так что, отправляясь в путешествие, он никогда не имел уверенности в благополучном возвращении домой.

Однако фонды его коллекций росли и сведения о них становились известными научному миру. Появились первые публикации в научных изданиях. А. С. Фиркович приезжает в Петербург и знакомит со своими находками ведущих востоковедов.

В 1856 г. А. С. Фиркович обращается к дирекции Императорской Публичной библиотеки (ныне Ленинградская публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) с предложением приобрести его собрание. Специально назначенная Особая Комиссия Российской Академии наук в течение года

подробно изучала коллекцию. В результате был зачитан и одобрен на заседании Историко-филологического отделения Академии наук доклад с рекомендациями Комиссии. Было отмечено, что все европейские библиотеки в совокупности не имеют и десятой части того числа восточных рукописей, которые имеются в коллекции. Указывалось на особое значение собрания А. С. Фирковича для древней истории и географии Юго-Восточной Европы, славян, хазар и других тюркских народов, греческих и генуэзских поселений и т. д. Обращалось внимание на важность материалов по истории иудаизма и его сект, различных направлений ислама, по арабистике и гебраистике. Отмечались заслуги собирателя, спасшего от гибели большинство, если не все, этих ценных рукописей.

5 октября 1862 г. по «высочайшему» повелению коллекция была приобретена за 125 тысяч рублей — сумму по тем временам огромную. Для сравнения можно указать, что обычный годовой доход Публичной библиотеки на приобретение книг и рукописей не превышал 8—10 тысяч рублей. Приобретенная коллекция состояла из 1490 рукописей на коже и пергаменте самого различного содержания: богословские, философские, грамматические, литературные, исторические сочинения, юридические акты, исторические письма и документы. Кроме того, в коллекцию входили 764 копии с надгробных надписей, 25 рукописей на коже, написанных ранее IX в. н. э. и 20 ранее X в. В коллекцию были включены 10 надгробных плит с кладбища Чуфут-Кале. В 1863 г. в Публичную библиотеку поступило также собрание рукописей, переданное А. С. Фирковичем в 1839 и 1852 гг. на хранение в Одесское Общество истории и древностей и купленное вместе с основной частью коллекции. В состав его входили ценные древние рукописи, в том числе и вышеупомянутая Библия 916 г. Материалы, приобретенные в 1862 г. вместе с рукописями из Одессы, составили так называемое «первое собрание Фирковича». По специальным рисункам были сделаны дубовые шкафы с зеркальными стеклами для их хранения.

Однако А. С. Фиркович на этом не успокаивается. В 1863 г. в возрасте 76 лет вместе с зятем Гавриилом и внуком Самуилом он отправляется в большое путешествие по Ближнему Востоку с рекомендательным письмом Министерства иностранных дел

России. В Каире он первый обратился к рукописным сокровищам генизы древней синагоги. Дело в том, что иудейская религия предписывает не просто выбрасывать все тексты на древнем языке в случае их повреждения или запрета. Эти тексты необходимо замуровывать в специальных хранилищах — «генизах», расположенных, как правило, в нишах, подвалах или на чердаках синагог. А. С. Фиркович один из первых обратил внимание на эти хранилища, предположив, что там могут содержаться редчайшие рукописи. В результате настойчивости А. С. Фирковича появилось второе собрание рукописей, еще более ценное, чем первое.

В 1865 г. А. С. Фиркович окончательно поселяется в священном для всех тюркских караимов месте — Чуфут-Кале. Сейчас это «пещерный город» на горном плато в нескольких километрах от Бахчисарайского дворца. Мощные оборонительные стены преграждают доступ на Илоскогорье. Когда-то крепость была ханской резиденцией. О тех временах напоминает мавзолей дочери золотоордынского хана Тохтамыша — Джанике-ханым. Затем татары оставили город и он превратился в караимское поселение — одинокое горное гнездо. Об этом говорит его название «Чуфут-Кале», что означает по-татарски «Иудейская крепость». Внизу, в мрачном ущелье, так называемой Иосафатовой долине, находится караимское кладбище. Многие надгробные плиты ушли глубоко в землю. Никто до сих пор точно не знает, когда возникли поселение и кладбище. К середине XIX в. почти все жители постепенно покинули город и переселились в более удобные места. Дома разрушились, и под ними обнажились пещеры. Из пещер когда-то добывали камень для построек. Затем пещеры использовались как обширные подвалы. Теперь только очень глубокие колеи, оставленные тележными колесами за многие сотни лет вдоль каменных улиц-дорог, напоминают о когда-то оживленной жизни мертвого города. Русский поэт XIX в. А. К. Толстой запечатлел точно и выразительно:

Здесь мирно жили караимы;
Но ждал их давний приговор.
И пала тяжесть божья гнева
На ветвь караемого древа.

И город вымер. Здесь и там
Остатки башен по стенам,

Кривые улицы, кладбища,
Пещеры, рытые в скалах,
Давно безлюдные жилища,
Обломки, камни, пыль и прах.
Где взор отрады не находит,
Две-три семьи как тщи бродят
Среди голых стен; но дороги
Для них родные очаги.
И храм отцов, от моха черный,
Над коим плавные круги,
Паря, чертит орел нагорный...
(12, с. 108).

До наших дней сохранился дом, в котором жил А. С. Фиркович. В 1871 г. уже в возрасте 84 лет он совершает свое последнее путешествие — в Западную Европу, в Германию и Австрию, где знакомится с видными учеными. Всюду его принимали с большим почетом.

В 1872 г. в Вильно был опубликован основной труд А. С. Фирковича «Жизнь памятных камней» — описание его путешествий и находок.

Последние годы общепризнанного патриарха караимского народа протекли в Чуфут-Кале. Он был в то время уже сам своего рода достопримечательностью Крыма.

Писатель и путешественник Е. В. Марков посетил Крым в 1872 г. и описал встречу с А. С. Фирковичем в книге «Очерки Крыма». «Оп,— пишет Марков,— горько жаловался, что Публичная библиотека ограничилась помещением его рукописей в шкафы и прибитием ярлыка. Он негодовал на то, что до сих пор ни один ученый не командирован для разбора и издания этих сокровищ, единственных в мире, по мнению собирателя. Их покупали в Королевскую Лондонскую библиотеку, и в Европе они породили бы уже целую литературу; но он не хотел лишиться свое собственное отечество такого приобретения. По словам Фирковича, он не раз просил министра народного просвещения и разных лиц об оказании ему пособия для разбора и издания собранных рукописей, но ни от кого ничего не добился». «Если бы мне дали 10 ориенталистов, я бы нашел занятия на целую их жизнь» (10, с. 437).

Через два года после этой встречи, 30 июня 1874 г., А. С. Фиркович скончался и был похоронен на том старом караимском кладбище Чуфут-Кале, исследованию которого он отдал столько сил. О его смерти сообщили специальными некрологами многие газеты и журналы России и Европы.

В 1876 г. Публичная библиотека приобрела за 50 тысяч рублей коллекцию рукописей и документов, оставшихся после смерти А. С. Фирковича и его личный архив. В состав этой коллекции, известной как «Второе собрание Фирковича», вошли рукописи, собранные во время его последнего путешествия по странам Ближнего Востока. Собрание содержало 200 свитков Пятикнижия, в том числе 160 кожаных, более 200 больших пергаментных кодексов. Часть рукописей богато орнаментирована и представляет собой высокую художественную ценность. В собрании были также широко представлены средневековые философские труды, поэтические произведения, сочинения по медицине, астрономии и астрологии на различных языках Ближнего Востока. Во втором собрании имеется немало рукописей с исключительно ценными сведениями о славянах, русских, хазарах, булгарах и других народах Восточной Европы. Украшением собрания является рукопись, содержащая исключительно важный для древней истории народов СССР памятник: древнюю копию ответа хазарского царя Иосифа на письмо министра и дипломата мусульманской Испании X в. Хасдая Ибн-Шапрута.

Известно много случаев, когда выдающийся человек уходил из жизни в нищете и забвении, а его заслуги находили признание только через много лет после смерти. С А. С. Фирковичем все произошло наоборот.

В России его находки сразу же привлекли к себе большое внимание научных, правительственных и религиозных кругов, интересовавшихся всем, что было связано с историей Переднего Востока. Эта историческая область — родина монотеистических религий — иудаизма, христианства и ислама — находилась в непосредственной близости к России — крупнейшей евроазиатской державе. Судьбы многих народов этого региона и России были к тому же тесно связаны на протяжении многих веков, поэтому почти 15 тысяч рукописей, состоящих из сотен тысяч листов и свитков на коже, пергаменте, бумаге, найденных Фирковичем в самых отдаленных местах Крыма, Кавказа, Палестины, Сирии, Месопотамии и Египта, представляли собой настоящее «Эльдорадо» для ученых, работавших в самых различных областях исторических и филологических наук. Даже самые строгие критики признава-

ли, что «период нескольких столетий до христианской эры не будет слишком отдаленным для древнейших свитков Фирковича» (13, с. 11).

А. С. Фиркович сумел опередить волну европейских, прежде всего английских искателей древностей. Примером сенсационных сюрпризов, преподнесенных им, может служить следующий факт. В 1858—1859 гг. Публичная библиотека приобрела у профессора К. К. Тишендорфа коллекцию древних рукописей. В одной из них, написанной на древнееврейском языке в XV—XVII вв., недоставало 10 листов. А. С. Фиркович находился среди экспертов. Каково же было всеобщее изумление, когда он принес и подарил библиотеке недостающие листы, привезенные им из путешествия по Ближнему Востоку за много лет до того, как там побывал Тишендорф (14, с. 32—33).

Но... прошел всего какой-нибудь десяток лет после смерти А. С. Фирковича, и его имя оказалось занятым обвинением в фальсификаторстве. Все найденное им объявляется подозрительным и нуждающимся в самой тщательной проверке. Общим местом в специальной и популярной литературе становится утверждение, что А. С. Фиркович пытал постоянно страсть к фабрикации рукописей и других источников и в совершенстве владел необходимым для этого мастерством. Целью его якобы было всяческое возвышение караимства и одновременно повышение коммерческой стоимости его коллекции.

Советский ученый М. И. Артамонов в своей известной работе «История хазар» дважды упоминает имя А. С. Фирковича в следующем контексте: «Вторая пространная редакция письма хазарского царя обнаружена значительно позже в собрании рукописей известного своими подделками караима Фирковича...» и дальше: «...открытие в 1874 г. А. Я. Гаркави среди рукописей известного своими подделками караима А. С. Фирковича новой, так называемой пространной редакции письма царя Иосифа» (15, с. 165—192).

В зарубежной литературе суждения еще более категоричны. На Фирковича иногда ссылаются как на пример массовой фабрики документов (16, с. 165—192). Вообще, споры, вызываемые сомнениями в подлинности древних рукописей, нередки. Как известно, некоторые ученые доказывают, что «Слово о полку Игореве» — плод позднейшей

фальсификации. Но случай с А. С. Фирковичем особенно поучителен. Тут мы имеем дело с важными и поныне актуальными проблемами этики научных дискуссий и взаимоотношений между учеными. А это уже тема, представляющая интерес для всех, а не только для востоковедов.

Дело в том, что среди коллекций А. С. Фирковича оказались находки, вызвавшие ожесточенные споры среди научной общественности России. Однако по сравнению с объемом его коллекций таких документов было немного: приписки эпитафий к древним рукописям Библии, найденным в Манджлесе (слева близ Дербента) и Крыму. Эти приписки были сделаны переписчиками и содержали весьма интересные сведения, относящиеся к истории народов Южной России. Более того, они удивительным образом подтверждались несколькими десятками надписей с караимских кладбищ Чуфут-Кале и других мест Крыма. Получалось так, что предки караимов пришли в Северное Причерноморье, в частности в Крым, как воины персидского царя Камбиза во время его походов против скифов в VI в. до н. э. и там, среди скифов, будто бы встретили тюрок, среди которых и проживали до создания Хазарского каганата. Они якобы обратили хазар в иудаизм караимского толка и затем слились с ними в один народ. В ранее упомянутых документах из Дербента и Манджлеса сообщалось также о посольстве киевского князя Владимира к хазарскому князю по поводу «испытания вер». Об этом испытании вер, предпринятом князем Владимиром в 986 г. н. э., сообщает летопись «Повесть временных лет» (17, с. 253).

В общем, наука получала дополнительные источники об огромном историческом периоде. Впечатления от находок были весьма сильны. Первое серьезное сомнение в их подлинности было высказано академиком А. А. Куником во время экспертизы 1-го собрания Фирковича в 1862 г. По его мнению, не могло быть и речи о появлении на юге России тюрок в столь раннее время. Встречающиеся на крымских надгробиях III и VII вв. н. э. тюркское имя Тохтамыш в то время не употреблялось. А. А. Куник обратил внимание на различие чернил в разных частях текста рукописей. Он также указал, что конец одной надгробной надписи, датированной 625 г. н. э., высечен другим резцом.

В 1865 г. по материалам находок А. С. Фирковича было опубликовано сочинение семитолога профессора Д. А. Хвольсона, который познакомился с находками А. С. Фирковича еще в 1853 г. и стал его главным научным консультантом. Д. А. Хвольсон принял доказательства достоверности открытий. Он детально рассмотрел некоторые казавшиеся спорными вопросы библейской хронологии, семитской палеографии, древней этнографии и истории Южной России во взаимосвязи с новыми данными.

Возражая критикам, Д. А. Хвольсон, в частности, пишет, что «появление на упомянутых надгробных надписях тюркских имен собственных, неопровержимо свидетельствующих о существовании еще в дохристианское время таких племен в Крыму, не заключает в себе ничего странного, ничего такого, что находилось бы в противоречии с действительной историей. Напротив, это служит самым убедительным доказательством в пользу мнения, что на северных берегах Черного моря, на обширных равнинах между Дунаем и Довом и далее на восток издревле, и во все времена между прочими жили и племена тюркского происхождения» (18, с. 187). Окончательное же заключение о времени появления тюркских народов на исторической сцене принадлежит, конечно, только специалистам.

После смерти Фирковича к работе по научной обработке его собраний приступил молодой востоковед А. Я. Гаркави, работавший библиотекарем в Императорской Публичной библиотеке. К сожалению, с Д. А. Хвольсоном у него сложились неприятные отношения. Сейчас трудно определить их причину. Возможно, сыграла роль отрицательная рецензия, данная Д. А. Хвольсоном на магистерскую работу А. Я. Гаркави (19). Глава советской школы арабистики академик И. Ю. Крачковский об этом труде А. Я. Гаркави писал: «В известной мере эпоху в нашей области открыла его магистерская диссертация, защищенная в 1866 г., — «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских». Опубликованная через два года, она и до сих пор не заменена новым сводом» (20). Добавим, что и теперь она является классическим трудом в своей области и постоянно цитируется всеми учеными, изучающими арабские источники. Негативный отзыв сыграв свою не-

маловажную роль в том, что А. Я. Гаркави вынужден был оставить академическую карьеру в Петербургском университете и перейти на работу библиотекарем пусть даже и знаменитой Императорской Публичной библиотеки.

В 1875 г., через год после смерти А. С. Фирковича, появляется совместный труд А. Я. Гаркави и молодого немецкого ученого Г. Штрака «Каталог рукописей Библии из собрания Фирковича» (на немецком языке) (13). Авторы объявляют большинством приписок на полях рукописей, в особенности датированных ранее X в., позднейшими фальсификациями. Все исторические, филологические и географические реалии, по их мнению, вскрывали поддельный характер приписок. Указывалось, что некоторые даты подкаблывались, а другие обводились более свежими черпилами. А. С. Фиркович был объявлен караимским фанатиком и обвинен в том, что фабриковал подделки, чтобы доказать, что предков караимов не было в Палестине во время распятия Иисуса Христа. Поэтому-де их нельзя смешивать в правовом отношении с евреями-раввинистами, подвергавшимися в царской России унижительной дискриминации. Естественно, что авторы прямо указывали на личную ответственность главного научного защитника А. С. Фирковича — Д. А. Хвольсона.

В том же 1875 г. А. Я. Гаркави представляет в Академию наук обширный доклад-монографию, посвященный критическому разбору крымско-кавказских находок А. С. Фирковича с 1839 по 1872 г. (21). В этом докладе, используя всю свою историко-филологическую эрудицию, А. Я. Гаркави утверждает, что эти крымские документы и надгробные памятники являются новейшей фальсификацией и представляют собой огромный по своим размерам и значению подлог.

Академик А. А. Кунин полностью поддержал выводы А. Я. Гаркави. Его статья «Тохтамыш и Фиркович» носила весьма красноречивый подзаголовок: «Мое участие в разоблачении ученых вымыслов Фирковича» (22). За границей в том же духе писал и выступал Г. Штрак. Он утверждал, что А. С. Фиркович искусственно удревнял свои находки на 600 или даже на 1000 лет с целью прославления караимства и повышения коммерческой ценности своих находок.

Все эти обвинения произвели большое

впечатление на европейскую и русскую общественность, учитывая размер выплаченных А. С. Фирковичу сумм. В более широких кругах распространились слухи, что он подделывал свои находки полностью, а не только исправлял даты или делал приписки к рукописям.

Само собой разумеется, ответственность возлагалась и на ученого покровителя А. С. Фирковича — Д. А. Хвольсона. Однако последний смело принял брошенный ему вызов. Он решил лично отправиться в Крым и произвести необходимые раскопки на караимском кладбище Чуфут-Кале. Проанализировав обширный палеографический, исторический и археологический материал, Хвольсон пришел к убеждению, что А. С. Фиркович действительно нашел надгробные камни и рукописи, относящиеся к первым столетиям нашей эры. Д. А. Хвольсон особое внимание обратил на надписи, которые нашел он лично и о которых А. С. Фиркович не знал. Задетый за живое профессор показал, что даже в отраслях науки, которые не являлись его прямой специальностью (например, история России), он в состоянии приводить доводы, основанные на серьезных научных данных. После выхода в свет объемистого труда Д. А. Хвольсона некоторые сомнения в подлинности находок, выдвинутые критиками, были если не полностью опровергнуты, то сильно поколеблены. «Заслуженный ординарный профессор при С.-Петербургском университете» Д. А. Хвольсон явно не стеснялся в язвительных замечаниях по адресу своих оппонентов, особенно А. Я. Гаркави. Это обстоятельство заставило даже Русское археологическое общество, рекомендовавшее работу Д. А. Хвольсона к печати, указать в кратком предисловии к ней, что оно «не сочувствует тем полемическим приемам, которые г. Хвольсон внес в свой труд».

Д. А. Хвольсон, полностью реабилитировав себя от обвинений в недобросовестности, некомпетентности и, наконец, в покровительстве «фальсификаций» Фирковича, вовсе не собирався спасать доброе имя последнего. В своей книге он пишет буквально так: «Все, что прошло через руки Фирковича — подозрительно; только то можно считать подлинным, подлинность чего можно доказать» (23, с. VII). В выводах утверждается, что А. С. Фиркович имел желание и способность делать подделки и несомненно делал их.

Удар по репутации А. С. Фирковича был особенно тяжелым потому, что исходил от его главного защитника, блестяще показавшего научному миру свою эрудицию. К сожалению, Д. А. Хвольсон не указал, что именно он считал поддельным, а что подлинным, не привел никаких данных, иллюстрирующих такие выводы. Вероятно, он полагал, что отсутствие намерения обелить А. С. Фирковича доказывает его научное беспристрастие. Кроме того, Д. А. Хвольсон болезненно переживал постоянно склоняемый его критиками факт получения им в свое время крупного денежного аванса от А. С. Фирковича за литературно-научную обработку трудов последнего. Дело усугубилось тем, что в конце XIX в. археологи отметили неслыханное до того времени количество подделок на юге России древних монет, надписей, расписных ваз и даже надгробных плит. Особое внимание обращалось на большое искусство в подделке древностей, которое вводило в заблуждение даже крупнейших специалистов. Так, была подделана и продана Лувру за 75 тысяч рублей золотая гиара, созданная якобы в III в. до н. э. Возможно, все эти обстоятельства объясняют, хотя бы частично, поведение Д. А. Хвольсона.

Но имя Фирковича было запятнано окончательно. Его «фальсификаторская» деятельность представлялась и научному миру, и широкой общественности несомненной и научно доказанной. Как-то сразу забылось замечание А. Я. Гаркави, что он подвергает критике только крымские находки А. С. Фирковича, но воздает ему должное за спасение от неминуемой гибели тысяч бесценных памятников старины (21).

Характерно, что уже через много лет, в 1932 г., советский востоковед академик П. К. Коковцев считает необходимым отметить, что ценность издаваемой им рукописи письма хазарского царя подрывается «...в особенности тем обстоятельством, что она некогда составляла собственность Фирковича, защиту которого против обвинения в фабрикации текстов даже его главный защитник (Д. А. Хвольсон.— Авт.) вынужден был признать по трудности, схожей с защитой «завязтого вора», обвиненного в воровстве» (24, с. XIV). И это пишет человек, сам не один десяток лет работавший с находками А. С. Фирковича в Государственной Публичной библиотеке, ученый с мировым

именем! Что же тогда говорить о других? На Западе и сейчас повторяют заявления Г. Штрака более чем столетней давности (25, с. 669).

Так и продолжает существовать страшная загадка самого А. С. Фирковича и собранных им 15 000 рукописей. С одной стороны, его коллекции поражают своим богатством даже неспециалиста, а с другой — он якобы подделывал рукописи в огромных масштабах, но какие именно, сказать трудно.

Но ведь прошло более 100 лет — время, вполне достаточное для решения этой загадки. Тем более что все наследие А. С. Фирковича теперь собрано в одном месте — Ленинградской публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. И нельзя не признать справедливыми жалобы собирателя Е. Маркова об отсутствии интереса у востоковедов к его находкам.

К 1912 г. только описание коллекций А. С. Фирковича достигло объема 300 печатных листов. Но, к сожалению, после смерти составителя описания — А. Я. Гаркави в 1919 г. рукопись этой работы затерялась, и ее судьба до сих пор неизвестна. Затерялись также наиболее ценные эпиграфы, спиленные с надгробий крымских кладбищ. Злой рок как бы продолжал преследовать А. С. Фирковича даже через десятки лет после его смерти. Советским исследователям пришлось практически начинать все сначала. Объем собрания А. С. Фирковича оказался настолько велик, а содержащиеся там материалы столь разнообразны по содержанию, что полный их разбор, описание и введение в научный оборот до сих пор еще не завершены. По некоторым важным выводам можно сделать и сейчас. Прежде всего следует еще раз отметить, что из более чем 15 000 рукописей собрания лишь несколько десятков документов вызывают сомнения в их подлинности. В результате экспертизы части этих рукописей сотрудниками Ленинградской публичной библиотеки совместно со специалистами Лаборатории консервации документов при Академии наук СССР (ЛАНКОРЕД) выяснилось, что некоторые даты обведены более свежими чернилами и исправлены. Однако при этом полностью отсутствуют доказательства того, что А. С. Фиркович подделывал рукописи с целью прославления караймства. Представляется вполне логичным, что ему скорее всего понади некоторые рукописи, «исправ-

лепные» переписчиками, жившими за сотни лет до него.

Следует остановиться на одном, весьма примечательном эпизоде злоключений находок А. С. Фирковича. Речь идет о Манджлесском документе, наделавшем в свое время столько шума. А. Я. Гаркави подверг резкой критике подлинность этой находки в своей статье «По поводу известия Авраама Керченского о посольстве Св. Владимира к хазарам», вышедшей в свет в 1874 г., к тому же он пишет, что «свиток этот загадочным образом исчез» (26, с. 7). «Загадочным» в данном случае очень похоже на «подозрительным». А. Я. Гаркави явно намекает на то, что документ кем-то убрал ввиду грозившего разоблачения фальсификации. И многие, очень многие согласились с этим. Однако совсем недавно этот документ был вновь обнаружен. Он преспокойно пролежал более 100 лет на другой полке в той же публичной библиотеке.

В 1983 г. возобновились археологические раскопки на Чуфут-Кале и его кладбище, а в 1987 г. грузинский семитолог Н. И. Бабалякашвили опубликовал 8 надгробных надписей с кладбища Чуфут-Кале, датируемых от 10.08.956 г. до 2.10.1048 г. Данные Н. И. Бабалякашвили особенно интересны тем, что, как он сообщает, «...найденные надписи, за некоторым исключением, не зафиксированы в публикациях А. Фирковича и Д. Хвольсона» (27.). Есть основания полагать, что нас ждут новые находки.

Но не следует спешить с окончанием столь затянувшейся истории. А. С. Фиркович сам был достаточно сложной и противоречивой фигурой. Он был истинным сыном своей среды и своего времени. Не получив настоящей научной подготовки и воспитания, он был своего рода последним европейским ученым средневекового типа. Как справедливо

отмечает советская исследовательница К. Б. Старкова, ему как духовному предшественнику древности и средних веков была чужда идея авторского права (16). Это проявилось в обращении с найденными рукописями: А. С. Фиркович мог обвести или даже подправить дату или букву, показавшуюся ему нечетко или неправильно написанной. При этом он мог и не разобрать плохо сохранившегося текста или написанного старинным трудночитаемым шрифтом. И хотя о фальсификации целых текстов не может быть и речи, поводов для его критики со стороны европейски образованных ученых нашлось достаточно много, тем более что, будучи глубоко религиозным человеком, он, конечно, был не чужд и восхваления своей секты.

Методы приобретения древностей также не всегда вызывают одобрение. Слишком часто А. С. Фиркович прибегал к помощи полиции, используя авторитет канцелярии всемогущего графа М. С. Воронцова.

И последнее. Имел официальный статус кушца, он, безусловно, был заинтересован в материальной выгоде от своих находок. Но даже недоброжелатели не считали это главным в его трудах.

Подводя итоги более чем столетнего изучения крупнейшего в мире собрания рукописных памятников Востока, следует отметить, что караймский путешественник, востоковед и коллекционер А. С. Фиркович должен занять свое достойное место в истории науки.

Объективная, свободная от субъективных и националистических предрассудков и конценций критика должна решить, наконец, «загадку Фирковича» и способствовать быстрейшему вводу в научный оборот его находок.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куповецкий М. С. Динамика численности и расселения караймов и крымчаков за последние 200 лет // География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983.
2. Балабан М. Из истории караймов в Галиции // Еврейская старина., 1911. Т. IV.
3. Сулейменов О. Аз и Я. Алма-Ата. 1975.
4. Баскаков Н. А. Предисловие // Караймско-русско-польский словарь. М., 1974.
5. Токарев С. А. Религия и история народов мира. М., 1976.
6. Плетнева С. А. Хазары, М., 1976.
7. Эрдели И. Кабары (кавары) в Карпатском бассейне // СА. 1983. № 4.
8. Маневич Г. М. Последний из моголан караймизма. Декопированная рукопись в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1975.
9. Вересаев В. В. Пушкин в жизни. М., 1936. Т. 1.

10. Марков Е. В. Очерки Крыма. СПб.; М., 1902.
11. Февчук Л. П. Личные вещи Пушкина. Л., 1970.
12. Голстой А. К. Крымские очерки. Собр. соч. Т. 1. М., 1963.
13. Harkavy A., Strack H. L. Catalog der Hebraischen Bibelhandschriften in der Kaiserlichen Bibliothek St-Petersburg. St. Pet., 1875.
14. Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1858 г. СПб., 1859.
15. Артамопов М. И. История хазар. Л., 1962.
16. Старкова К. Б. Рукописи коллекции Фирковича Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина // Письменные памятники Востока, 1970. М., 1974.
17. Повесть временных лет. Ч. 1. М.—Л., 1950.
18. Хвольсон Д. А. 18 еврейских надгробных памятников из Крыма. СПб., 1866.
19. Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в.). СПб., 1870.
20. Крачковский И. Ю. Избранные произведения. Т. 5. М.—Л., 1958.
21. Harkavy A. Altjüdische Denkmäler aus der Krim, mitgetheilt von Abram Firkowitsch.—Memories de l'Academie Imperiale des sciences de St.—Petersburg, VII serie, T. XXIV, № 1. St. Pet., 1876.
22. Куник А. А. Тохтамыш и Фиркович. СПб., 1876.
23. Хвольсон Д. А. Сборник еврейских надписей, содержащий надгробные надписи из Крыма и надгробные надписи из иных мест, выполненные древнееврейским квадратным шрифтом, также и образцы шрифтов от IX—XV столетия. СПб., 1884.
24. Кокорцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
25. Дойель Л. Завещанное временем. М., Наука, 1980.
26. Гаркави А. Я. По поводу известия Авраама Керчонского о посольстве Св. Владимира к хазарам. СПб., 1876.
27. Бабаликашвили Н. И. О нескольких еврейскоязычных караимских эпиграфических памятниках из Чуфут-Кале // Семитологические штудии. Тбилиси, 1987. Т. III.

С. А. СЕКИРИНСКИЙ, Д. С. СЕКИРИНСКИЙ

АГРАРНЫЙ СТРОЙ КРЫМСКИХ ТАТАР В XVI—XVIII вв.

Литература по истории Крымского ханства немногочисленна. Первой попыткой обзора истории и экономики Крымского ханства является работа немецкого ученого Тунманна «Крымское ханство», опубликованная в 1784 г. Бюшингом, известным издателем целой серии книг, посвященных описанию жизни отдельных народов и стран.

В книге Тунманна содержится цельный очерк истории Крымского ханства. Однако в ней встречается немало неточностей и просто фактических ошибок, которые можно объяснить уровнем знаний того времени и объемом источников, которыми располагал автор. Работа Тунманна — это своего рода сводка того, что было известно о Крыме в конце XVIII в. западноевропейским исследователям. Ученый собрал все доступные для него письменные источники о Крымском ханстве и, видимо, воспользовался устными сообщениями очевидцев, побывавших в Крыму незадолго до ликвидации ханства. Впервые в русском переводе труд Тунманна появился в 1936 г. в серии «История народов Крыма» (1).

Известным вкладом в изучение социально-экономической истории Крымского ханства

для своего времени был также труд Ф. Хартаха «Исторические судьбы крымских татар», опубликованный более ста лет назад в «Вестнике Европы» (2).

Очень серьезными исследованиями, основанными главным образом на восточных источниках, являются две работы В. Д. Смирнова о Крымском ханстве, изданные в 80-х гг. прошлого столетия. Но в них освещается только политическая история ханства и почти не затрагивается социально-экономическая (3, 4).

Первой попыткой в дореволюционной историографии изучения социально-экономического строя Крымского ханства и в особенности аграрных отношений в Крыму было исследование крымского историка Ф. Ф. Лашкова, опубликованное в конце XIX в. в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии» (5—9).

В работах советских историков Крымскому ханству вообще и его экономике в частности уделялось немало внимания.

Одной из первых работ, посвященных анализу социально-экономической структуры Крымского ханства, является популярный очерк В. А. Вишневского «Феодализм в